

Земля. Окинава. Институт Дэйстрома...

Документы Агнес Джурати были готовы, и теперь она официально стала докторантом Института Дэйстрома под руководством профессора Брюса Мэддокса, заведующего кафедрой робототехники. Они отправились в Стамбул, чтобы отпраздновать это событие. Глядя на мозаики в Святой Софии, он вдруг начал бурно рассказывать о том, как приезжал сюда ребенком с мамой, которая была без ума от византийского искусства, а он — нет.

Дети никогда не интересуются тем, чем занимаются их родители, и это была одна из причин, по которой он никогда не хотел иметь детей, но потом она сунула ему в руки поэму Йитса, и он прочитал про эмаль, и кованое золото, и птиц с часовым механизмом, и телесные формы, и природные вещи, и тогда он понял, что именно он хочет делать.

«Создать жизнь. Создать нечто настолько прекрасное, что оно не даст уснуть императору.»

Агги стояла и слушала каждое слово, ее рот был открыт, глаза ярко блестели.

В тот вечер он вернулся в лабораторию. Все было тихо. Он бродил по новой большой комнате, оборудованной всем, что только мог предложить Звёздный Флот. Свет был приглушен. В дальнем конце находилась высокая камера с частями прототипа, над которым они с Маккензи трудились. Существо стояло неподвижно, в тени.

Он со слабой ненавистью смотрел на его неподвижные черты. Кожа была золотистого цвета; они не улучшили материалы, использованные для Дейта. Но то, что находилось внутри, было бледной тенью.

— Ты когда-нибудь проснешься? — сказал Мэддокс. — Ты когда-нибудь освободишь меня?

Он достал блокнот и стилус. Он начал чертить, его голова все еще была забита мозаикой. И тут он увидел решение; способ преодолеть разрыв между схемами Маккензи и корпусами, которые он так неохотно разрабатывал. Он повернулся к ближайшему компьютеру и начал программировать. Идеи проносились в его голове, каждая из них открывала новую, как фракталы множества Мандельброта.

Он вводил несколько слов, удалял их, смеялся и вводил еще. Позади него что-то зашевелилось. А затем раздался тоненький голосок, ржавый, как жестяной человек, попавший под дождь.

«Дейзи... Дейзи... Дай мне свой ответ...»

— Привет. — Мэддокс повернулся, чтобы посмотреть на свое творение. — Похоже, ты мой «рыжий пасынок».

На орбите над Арнатом. Звездолёт «Верити»...

Пикар напрямую говорил и с Бордсоном, и с Клэнси.

— Мне жаль, Жан-Люк, но командер Телак прав. — главный командир, несмотря на явное сочувствие, был непримирим. — Это ромуланские граждане. Они находятся под его юрисдикцией...

— Они все еще на борту «Верити».

— Тогда их нужно убедить уйти.

«Всё правильно сказал командир... — подумал Пикар. — ... но он не встречался с Сувимом.»

— Реальность такова, что у меня есть несколько сотен напуганных беженцев, которым нечего терять. — он снова подумал о том, что видел на Арнате. — Виктор, если бы вы видели, какие там условия. Это отчаяние. Людям обещали дома — место, где они смогут поселиться и начать жизнь заново. Такие объекты, как эти... я даже не могу назвать их объектами! Это лагерь! Мы не можем быть частью этого. Мы должны высказаться самым решительным образом, не позволить этому продолжаться...

— Президент напрямую говорил с ромуланским претором... — сказал Бордсон. — ... мы выразили наше беспокойство. Мы делали предложение за предложением. И нам сказали — это их граждане, и они будут заботиться о них...

— Время выбрано неудачно. — добавил Клэнси. — Исследование Сафади вчера попало в общественные коммуникации. Ромуланцы в ярости, называют это недобросовестностью. Они бормочут о том, чтобы полностью сократить наше участие. Возможно, до этого нам удалось бы убедить начальство Телака разрешить нам хотя бы помочь в создании новых объектов. Но нас заблокировали. Они были опозорены, публично. Они хотят решить это на своих условиях...

— Виктор. — сказал Пикар. — Эти люди отказываются покинуть мой корабль, и я полностью сочувствую их судьбе.

— Они должны уйти. — сказал Бордсон. — Это так просто.

— Я полагаю... — сказал Пикар, довольно холодно. — ... что вы не даете разрешения на применение силы?

Наступила тишина, и он на мгновение задумался, не перегнул ли он палку.

— Я ни в коем случае не разрешаю применять силу для доставки беженцев в лагерь. — сказал Бордсон. — Я понимаю, что вы находитесь под большим давлением, но когда вы будете готовы, я приму ваши извинения за это.

— Сэр, я приношу свои извинения безоговорочно.

— Хорошо. — Бордсон сочувственно посмотрел на него. — Мы все боремся с трудностями, связанными с последствиями этой миссии. Мы полностью поддерживаем вас.

— Мне кажется... — сказала Клэнси. — ... что у нас есть два варианта.

Пикар отметил и оценил «мы».

— Мы транспортируем этих людей прямо на поверхность, или мы разрешаем ромуланцам транспортировать их.

— Один из этих вариантов кажется трусостью, капитан... — сказал Пикар. — Можем ли мы, по крайней мере, продолжать настаивать на нашем предложении материальной помощи?

— Мы можем настаивать. — сказала Клэнси. — Я и настаиваю. Но они не покупают то, что мы предлагаем.

— Мне жаль, Жан-Люк. — сказал Бордсон. — Но если это то, что нужно для продолжения миссии, тогда это то, что мы должны сделать.

— Понятно. Пикар конец связи. — он отключил связь и посмотрел на Раффи, который сидел и слушал.

— По кусочку за раз, а, Раффи?

— Знаешь что, Джей Эл? Оказывается, некоторые вещи трудно проглотить.

* * *

Пикар говорил с Сувином наедине, лицом к лицу.

Он думал, что тот будет бушевать, жаловаться, отказываться, но когда он заговорил, когда он полностью объяснил ситуацию, невозможность всего этого, ограничения на его возможности действовать, он увидел, как подпретор рассыпается. Ромуланец, казалось, старел. Это было ужасное зрелище. Пикар подумал: «Это смерть надежды». Он больше не хотел видеть такое: человека, доведенного до такой низости. В конце концов, Сувим и остальные молча пошли в транспортные отсеки.

Они стояли, сжимая в руках свои вещи и свое достоинство.

Пикар стоял в стороне, как свидетель. Перед тем, как его забрал транспортник, Сувим посмотрел на Пикара и сказал:

— Жен'тар, Жан-Люк Пикар. Я проклинаю тебя — тебя, этот корабль, этот флот, эту миссию. Да вкусите вы пепла. Пусть плоды ваших трудов увянут на лозе. Я проклинаю вас, Звёздный Флот и Федерацию, которые протягивают руку дружбы только для того, чтобы отнять ее. — и затем он исчез.

Пикар почувствовал руку Раффи на своем плече, краткое прикосновение. Он был рад, очень рад, что она была рядом.

— Ну, Раффи... — сказал он, не поворачиваясь, чтобы посмотреть на нее. — ... мы получили ответ от Телака, можем ли мы разместить на Арнате независимых наблюдателей?

— О да, мы слышали, Джей Эл. — сказала она.

— Я полагаю, он сказал «нет».

— Он сказал «нет».

Пикар прочистил горло, одернул форменную куртку.

— Я знаю, что это трудно, адмирал. — Коли, находясь по другую сторону от него, сказала. — Это никогда не бывает легко. Но мы поступили правильно. У нас нет юридической юрисдикции вмешиваться во внутренние дела ромуланцев.

«А-ах, да. — подумал он. — Мы сохраняем нашу моральную чистоту.»

— И все же вы знаете, не так ли... — сказала Раффи. — ... что там, внизу, будут злоупотребления властью. При первых признаках проблем эти солдаты будут стрелять.

— Все наши гости находятся на Арнате, сэр. — Комбад Пикара пискнул. Он коснулся его, и Маршалл заговорил. — Объект уже скрыт.

— Спасибо, лейтенант. — сказал Пикар. Он посмотрел на Раффи и Коли. — Мы закончили здесь. Мы должны двигаться дальше.

Раффи зашагала рядом с ним, пока они шли по коридору. Он чувствовал едва уловимый сдвиг импульсных двигателей корабля.

— Десять тысяч доставлено. — пробормотала Раффи. — Почти миллиард, да?

<http://tl.rulate.ru/book/108113/4128840>